

НОВЫЙ МИР – НОВЫЕ ПОДХОДЫ

ТУВИНОВЕДЕНИЕ: ОБЛАСТЬ ЗНАНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ МИССИЯ

Ч. К. Ламажаа¹

Аннотация: В статье уточняются особенности современного развития науки о Туве, дается общее определение тувиноведения, представляются некоторые варианты классификации тувиноведения и тувиноведов.

Ключевые слова: Тува, тувиноведение, наука, науковедение, классификация, социальная миссия.

TUVINOLOGY: A DEMESNE OF KNOWLEDGE AND A SOCIAL MISION

Ch. K. Lamazhaa

Abstract: Article specifies characteristics of contemporary development of a science about Tuva, gives common definition of tuvinology, presents some variants of classification for tuvinology and tuvinologists.

Keywords: Tuva, tuvinology, science, science on science, classification, social mission.

Отсчет научных исследований Тувы ведется с середины XVIII века и за эти два с половиной века наукой проделана огромная работа. Можно сказать, что тувиноведение как область научного знания об истории Тувы, культуре населяющих ее народов сформировалась, имеет и свою богатую историю, и определенные научные традиции. Однако,

¹ Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — кандидат философских наук, главный редактор журнала «Новые исследования Тувы». Постоянный адрес статьи: http://www.tuva.asia/journal/issue_8/2542-lamazhaa.html

до сих пор само тувиноведение в целом не становилось предметом исследования, не было объектом внимания ученых. Лишь отдельные стороны его, отраслевые темы условно говоря от «А» до «Я», рассматриваются подробно исследователями в силу производственной необходимости. Работ о самой науке в целом, ее состоянии, перспективах развития — мало, если считать таковыми доклады, отчеты, программы научных центров, занимающихся Тувой и находящихся в самой республике. Как правило, подобные документы констатируют состояние развития тувиноведения в самых общих чертах и концентрируются на делах в отдельно взятом конкретном учреждении.

Однако, есть и потребность в самопознании всего тувиноведения, даже можно сказать в саморефлексии. Что есть тувиноведение? Чем оно занимается? Кто является тувиноведами? Каковы основные проблемы тувиноведов и тувиноведения в целом сегодня? Ответы на эти вопросы дают возможность осознать специфику работы тех, кто изучает Туву; осознать им яснее свое место в сфере научного знания России, мира; обозначить место, задачи и функции тувиноведов в общественной жизни и социальном развитии Тувы, России — то, что можно назвать в целом социальной миссией. Для того, чтобы начать дискуссию в этом направлении, я попытаюсь набросать предварительные тезисы и надеюсь на то, что в скором времени у тувиноведения появятся свои науковеды.

Определение тувиноведения. Предмет тувиноведения, его границы. Тувиноведение можно трактовать по

разному. Например, в некоторой части научной литературы неявно, но просматривается тенденция считать тувиноведами — исследователей, проживающих в Туве. Однако, наиболее распространенным является представление о тувиноведении как области гуманитарного знания, в центре внимания которого является история Тувы и культура ее коренного населения — тувинцев. Об этом, в частности, пишет К. А. Бичелдей. Директор ТИГИ при Правительстве РТ дает краткий обзор исторического пути тувиноведения и дает подобное определение: «... Тувиноведение сегодня представляет собой систему фундаментальных научных знаний о Туве и тувинцах» (Бичелдей, 2009а: 4). Подобное же понимание легло в основу Постановления Правительства Республики Тыва «Об утверждении республиканской целевой программы «Государственная поддержка научных исследований в области гуманитарных наук Республики Тыва на 2011-2012 годы» (от 13 августа 2010 г. N 348): «Частные исследования во всех областях тувиноведения будут ориентированы, прежде всего, на пополнение фундаментальных знаний о Туве и тувинцах во взаимосвязи с другими науками и удовлетворение социальных потребностей человека и общества в обозримом будущем» (Постановление..., 2010: Эл. ресурс). Текст Постановления разработан был ТИГИ.

Возникла, на мой взгляд, странная ситуация. Государство поддерживает развитие тувиноведение, однако, само довольно расплывчато понимает, что такое тувиноведение. Цитированное выше определение явно рабочее, и трактов-

ка эта, мне представляется, содержит в первую очередь два положения, которые можно оспорить.

Во-первых, именно сейчас следует, на мой взгляд, уточнить вопрос об объектах исследования. Изначально в республике проживало абсолютное большинство представителей тувинского этноса и исследователи занимались только тувинской культурой, тувинским этносом. Однако, за два века в жизни республики произошли кардинальные перемены, в том числе изменился национальный состав населения. Конечно, большинством являются по-прежнему тувинцы (77%), но и доля русского населения стала существенной — чуть более 20%, почти четверть. XIX век для Тувы знаменуется проникновением русского населения; весь XX век проходил как век сосуществования, взаимодействия в Туве тувинцев и русских. Влияние последних на историю и культуру республики неоспоримо. Поэтому представителей русского этноса в Туве уже необходимо рассматривать как объект тувиноведения. В гуманитарной науке самого региона есть известные специалисты по истории и культуре русского населения Тувы (например, М. П. Татаринцева, Н. М. Моллеров и др.). Ведь никто в республике их итак не считает не-тувиноведами!

Во-вторых, я не считаю возможным употребление понятия «фундаментальные научные знания» в отношении тувиноведения (при чем, подчеркну — речь идет о гуманитарной его части). Фундаментальные знания мы получаем об основных закономерностях строения, функционирования и развития человека, общества, окружающей природной сре-

ды. Исследования «тувинского материала», разумеется, могут стать отправной точкой и могут сподвигнуть на написание фундаментальных работ, однако, сама по себе история Тувы, история существования тувинского этноса, его культура, а также история и культура народов, «разбавивших» этнически однородное население региона, представляются большинству исследователей локальными примерами существования, взаимодействия кочевых и земледельческих обществ.

Само по себе тувиноведение — это область знания о региональном сообществе кочевников центральной Азии, сосуществовании его с представителями земледельческой культуры, культуры староверов и др. Главное в тувиноведении — не выстроить фундаментальные знания об общественных универсальных законах, а получить полноценное, всестороннее представление об уникальном историческом и культурном опыте конкретного регионального сообщества. В том числе для решения социальных задач. Характер тувиноведения — все же прикладной в том смысле, как могут трактоваться прикладные научные исследования: «они производятся как применение результатов фундаментальных наук для решения не только познавательных, но и практических проблем. Поэтому здесь критерием успеха служит не только достижение истины, но и мера удовлетворения социального заказа» (Титов, 1999: 66).

Само тувиноведение, наряду с башкироведением, татароведением, калмыковедением и пр. «ведениями», будет составной частью более широких научных дисциплин, к

примеру, регионоведения, культурной географии, а в части изучения культуры коренного населения — востоковедения, номадоведения в частности.

В-третьих, попутно явно надо уточнить еще такой вопрос: следует ли считать тувиноведение только областью гуманитарного знания? Обычно термин этот применяют к гуманитариям. Но ведь научное знание о Туве не исчерпывается изучением жизни социума, его культуры, то есть деятельности человека. Оно включает в себя также исследования представителей естественно-научных дисциплин. Результаты их работы в большой степени также обогащают наши представления о результатах деятельности человека в его взаимодействии с природой: состав флоры и фауны в регионе, например, сейчас сильно зависит от антропогенного фактора. Тем самым, биологи, географы, геологи и другие ученые естественно-научного профиля, объектом внимания которых является Тува, наряду с решением естественно-научных фундаментальных задач, также вносят большой вклад в тувиноведение, являясь его представителями.

Понимание данного обстоятельства присутствует в статье К. А. Бичелдея, который перечисляет исследователей, а также научные учреждения естественно-научного профиля именно как тувиноведческие. Так что вопрос стоит только в прояснении положения, его четком обозначении для наиболее полного определения тувиноведения.

Тем самым, полагаю, *тувиноведение можно определить как область естественно-научного и гуманитарного знания, посвященную истории и культуре Тувы и народов,*

которые населяют ее и определяют ее уникальный социокультурный облик. В свете данного определения, очевидно, что допустимо говорить о естественно-научном тувиноведении и гуманитарном, о разных разделах тувиноведения.

Типологизация тувиноведения. Само тувиноведение и его представителей можно классифицировать по разным основаниям. Из них наиболее явными, традиционно применяющимся в науковедческих типологиях назовем: по хронологии, по отраслям науки, по субъектам. Более дробные или «мелкие» деления мы сделаем по ходу описаний типов в данной классификации.

Хронологическая типологизация тувиноведения — уже стандартная работа, которую проводят все тувиноведы в ходе своей исследовательской работы по той или иной теме, обозначая по правилам научной этики вклад своих предшественников от самых ранних до последних — новых. Чаще всего тувиноведение в этом смысле делят на дореволюционное, советского периода и постсоветского.

Из дореволюционных авторов выделяют собственно ученых и не исследователей в строгом смысле слова, а путешественников, чиновников и др., чьи дневники, зарисовки полны ценного этнографического материала, столь необходимого для представителей науки. К. А. Бичелдей справедливо называет этот период развития тувиноведения «золотым веком», когда изысканий тувинской культуры производилось много, они были разносторонними и в итоге работы вышли на уровень системных исследований (Бичелдей, 2009а: 3). Я не буду перегружать данную статью перечисле-

нием фамилий, их можно, например, увидеть в одном из новейших изданий — семитомной антологии «Урянхай. Ты-ва дептер», в которой собраны ценнейшие труды этого периода (Урянхай..., 2007-2009).

В советский период, по мнению К. А. Бичелдея, тувиноведение уже стало системно организованной наукой, в том числе благодаря формированию в 1930 году Ученого комитета ТНР и создания на его базе в 1945 году ТНИИЯЛИ (Бичелдей, 2009а: 3). Он также пишет о трех поколениях ученых, включая в их число всех, кто работал в стенах ТНИИЯЛИ и тех, кто сотрудничал с этим институтом.

На мой взгляд, исследователей советского периода можно также разделить условно на группы, относящиеся к территориальным научным центрам. Таковыми, например, можно назвать «московских» тувиноведов, «ленинградских», «новосибирских», а также собственно «тувинских», или местные кадры, которые выросли учениками представителей вышеназванных научных центров, а также «учениками учеников».

Линия преемственности, установившаяся и развивавшаяся в советские годы, между школами была разорвана в постсоветское время. Сами научные школы переживали большой кризис. При этом появились интересные исследователи — выпускники иных научных центров, вузов страны и зарубежья. Соответственно в этот период столь явно выделить территориальные научные группы невозможно, однако, этих исследователей можно рассмотреть в иных типологиях.

Очевидно также, из вышеописанного вытекает возможность подразделить тувиноведов на «внешних» и «внутренних» (типология «*по субъектам*»). Первые — исследователи Тувы, проживающие за ее пределами, приезжающие регулярно в регион в экспедиции, порой ежегодно в течение десятилетий. Это отечественные тувиноведы (из других регионов России) и зарубежные.

Разумеется, как и все более-менее добросовестные исследователи, они в той или иной мере искренни в своем интересе к республике, к ее населению, очарованы Тувой, даже влюблены. Этот профессиональный интерес порой сливается с личным, так как молодые неженатые тувиноведы порой даже находят здесь свое личное семейное счастье. Но так или иначе большинство из них сохраняет определенную культурную дистанцию между своей родной культурой и изучаемой, даже если самые энергичные овладевают тувинским языком. Для них Тува, ее общество — это прежде всего объект изучения; а социальные группы, различные проявления культуры — это предметы исследования. Это представление позволяет им относительно объективнее относиться, рассматривать, оценивать определенные культурные традиции населения Тувы, этнические символы, образы, историю региона. «Внешние» ученые будут в этом смысле осторожно относиться к современной жизни старых традиций; им легче проводить параллели между родственными культурами (если они одновременно исследуют другие регионы); они будут четче видеть место традиций в социальной жизни народов, в ее истории. И порой их оценки, вы-

сказывания могут вызывать неприятие представителей изучаемой культуры.

Субъективизм, даже этноцентризм в большей мере присущ «внутренним» тувиноведам — тем, кто проживает в самой республике, родился и вырос здесь или просто проживает достаточно длительное время. Не секрет, что национальные научные школы более подвержены политической конъюнктуре. Им сложнее даются вопросы объективности, труднее абстрагироваться от предметов своих исследований, особенно если они тесно, «кровно» связаны с духовной культурой, ее ценностным наполнением. «Внутренними» учеными я называю не только представителей этнической культуры коренного населения — тувинцев — «национальные кадры», а также местных ученых других национальностей. Все они не просто обращают пытливым взор к определенным темам, но и живут «в материале», соответственно относятся к нему прочувствованно, с большой долей субъективизма. Вопросы выбора научной темы здесь тесно связаны с этнической, этногрупповой идентичностью авторов, отражая их стремление познать свой локальный мир, проанализировать его методами научного знания.

С одной стороны это большой плюс для тувиноведения, т.к. ученый буквально досконально знает изучаемую культуру и ему не приходится затрачивать усилия для овладения ее языком — он может говорить на нем с рождения. Также представители этнических культур могут заниматься теми вопросами, за которые далеко не всегда возьмутся исследователи из других территорий в силу сложно-

стей организационного порядка (территориальная удаленность, транспортная труднодоступность, не владение языком и др.). Но с другой стороны, как уже было сказано, проживание «в теме» приводит к доминированию субъективизма исследователей и порой снижает планку профессиональной компетенции. «Внутренние» тувиноведы могут быть ограничены представлениями о своей культуре, при этом они поверхностно, теоретически владеют знаниями о других культурах, несмотря на традиционное штудирование научной литературы. Но изучение работ предшественников часто ограничивается русскоязычной литературой, а также тем фактом, что охватывается далеко не всё написанное по данной проблематике даже на русском языке. Следить за новинками книгоиздания, доставать редкие книги, работая в Туве, — весьма проблематичное дело, как и во многих других отдаленных российских регионах. Работа же в библиотеках столичных научных центров во время специальных командировках ограничена сроками этих командировок и степенью научной добросовестности работников в этом кропотливом, но нужном деле.

Примечательно и то, что «внутреннее» тувиноведение также отличается преобладающим числом работ прикладного характера, не стремясь выходить на уровень фундаментальных работ. Это связано, как я уже говорила, с собственно с характером и задачами тувиноведения как такового — как области прикладных научных исследований. Однако, это также свидетельствует о наличии пассивных установок: большинство ученых не берется за решение во-

просов фундаментального порядка, полагая (порой далеко не всегда справедливо), что это удел коллег в больших столичных центрах. Местные кадры удовлетворены изучением местной специфики по уже отработанным методикам. Выход за пределы тувинского материала в научных обобщениях сродни преодолению собственной идентичности...

Все это существенно обедняет региональную науку и не просто становится фактором укрепления научных связей между центрами (что нравится чиновникам от науки), а ставит ее в постоянную зависимость (далеко не всегда в позитивном смысле) от работы ведущих научных центров страны. Ведь состояние зависимости часто становится привычным, и это не способствует самостоятельному развитию исследователей, выходу их за рамки местного материала.

Типология тувиноведения *по отраслям научного знания* достаточно очевидна и в этом плане информация есть, она вполне доступна. Историки, филологи, педагоги, представители других наук, будучи обязаны отдавать дань почтения своим учителям, предшественникам, составляют и продолжают составлять историю изучения наукой своей дисциплины, своей темы, историю этой части тувиноведения.

Соответственно, **библиография всего тувиноведения** сейчас существует, но при этом дифференцирована по отраслям. Во многом, конечно, авторитеты, внесшие крупный вклад в тувиноведение в смежных областях для представителей разных дисциплин, будут едиными. Но сведение во едино имен, работ — тоже трудоемкое занятие. Подобная науковедческая работа, хотя и может для кого-то представ-

латься бессмысленной, все же, на мой взгляд, необходима и полезна, ибо дает возможность обозреть пройденный путь, осознать нынешнее состояние и увидеть перспективы развития тувиноведения. В свете актуальности разработки комплексных гуманитарных исследований культуры, человека в культуре Тувы, общества, подобный обзор показывает, что уже сделано, как это сделано, по каким направлениям гуманитарии могли бы объединить свои усилия, в чем могли бы помогать друг другу, т.к. сегодня в тувиноведении наличествует ситуация, когда работы порой ведутся параллельно, не пересекаются, а порой и противоречат друг другу.

Надо отдать должное Тувинскому институту гуманитарных исследований, стремящемуся последние пару лет вернуть утраченные (с 1990-ых — первой половины 2000-х годов) позиции и консолидировать гуманитарное тувиноведение. Эта политика, благодаря политическому опыту директора, уже имеет свои плоды. Но работы еще очень много. Единой базы, по крайней мере, библиографической — у тувиноведения до сих пор нет. Особенно это становится очевидным, если вспомнить о библиографии тувиноведения на разных языках. Работы иностранцев о Туве порой удивляют неожиданностью, смелостью постановки проблем, новым ракурсом, привлечением совершенно новых источников. Об этом, в частности пишет М. В. Монгуш в кратком обзоре зарубежного тувиноведения (Монгуш, 2010: Эл. ресурс). Даже в кратком изложении он занял объем более одного авторского листа!

Социальная миссия тувиноведения. В своей статье о «золотом веке» тувиноведения К. А. Бичелдей также очерчивает круг перспективных задач данной области знания. Это: изучение адаптивных возможностей тувинского этноса в условиях переменчивого и открытого мира, глобализации; вопросов недопущения самоизоляции этноса в этих условиях (Бичелдей, 2009: 3-4). На мой взгляд, список задач можно было бы расширить, конкретизировать.

Адаптация общества к изменившимся внешним условиям представляет собой лишь одну из стратегий социума в ответ на новый внешний вызов, если говорить терминами концепции А. Тойнби. И стратегия эта начальная, означающая приспособление (лат. *adaptare* — приспособлять), то есть некий пассивный вариант ответа. В современных условиях его явно недостаточно.

Следующей же, более активной формой стратегией, должна быть мобилизация, или даже модернизация. Изучение модернизационного потенциала этнических культур Тувы, мобилизационных возможностей населения (например: какие традиции тувинской культуры могут быть востребованными в современных условиях; как использовать социокультурные практики, культурные нравственные идеалы и пр. для успешной трансформации, модернизации общества и пр.) — такие задачи могут и должны быть, по моему мнению, в числе приоритетных для тувиноведения. Само по себе изучение подобных вопросов ставит исследователей-тувиноведов на позицию активных граждан, акторов социальной политики, о чем также ратует сам директор

ТИГИ (Бичелдей, 2009б: Эл. ресурс). Соответственно, можно говорить именно о социальной миссии тувиноведения — получении всестороннего научного знания о Туве для активного применения его в деле модернизации региона. Очевидно, что сегодня социальная наука и социальная практика должны сотрудничать теснее чем когда бы то ни было, причем на новых основаниях.

Признание и принятие тувиноведением современной социальной миссии — не просто единовременный акт согласия, составление официальной программы, проставления конкретными людьми подписей на бумаге. Это переход науки на качественно новый этап развития, когда люди, имеющие научные степени, имеющие отношение к науке и образованию, в своей массе будут ориентироваться не на мифологический тип мышления, и даже не на модели классической науки (когда ученый считает себя внешним наблюдателем, беспристрастным исследователем своего объекта), а когда они будут уметь также критически переосмысливать свою научную деятельность, свои действия, свои ценности и взаимодействовать с объектом исследования, воздействовать на него, менять его в лучшую сторону. Стоит задача сродни покорению Эвереста, у подножия которого стоит нестройная группа людей в альпинистском облачении, при этом большинство даже не задумывается о сверхзадачах и / или не особо жаждет восхождения. Старшее поколение тувиноведов в этом смысле не тронется с места — они не будут менять свое мировоззрение, менталитет, не станут изменять своему социальному опыту.

Подвижки институционального плана (если рассматривать науку как социальный институт) — модернизация науки — сейчас возможны, очевидно, только при поколенческих переменах. Становление новых поколений тувиноведов сейчас происходит в сложное, но очень интересное время сосуществования разных типов рационального познания мира, наличия множества альтернативных концепций, теорий. Им сложнее что-то выбрать, им легче ошибаться (и они будут это делать), но главное, что у них есть — это выбор. Им надо работать в совершенно иных социальных условиях, в том числе в условиях сложного взаимодействия науки и практики, но они сразу вырастают среди понятий «конкуренция», «конкурсы», «гранты», «сотрудничество», «пиар», «мобильность» и пр. Такой социализационный опыт вкупе с хорошей научной школой — могут дать столь необходимые для тувиноведения кадры, которые могли бы реализовывать социальную миссию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Бичелдей, К. А. (2009а) «Золотой век» тувиноведения и перспективы развития гуманитарных исследований в Туве // Слово плюс. № 1 от 9 октября. С. 3-4.

Бичелдей, К. А.: «Важно вовлекать ученых в государственные дела» (интервью Ч. К. Ламажаа) (2009б) // Новые исследования Тувы. №№ 1-2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/112-bicheldey.html (дата доступа 24.09.2010)

Монгуш, М. (2010) В. Зарубежные исследователи Тувы (краткий обзор) // Новые исследования Тувы. Электр. журнал. № 2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_6/1731-mongush.html (дата доступа 24.09.2010)

Постановление Правительства Республики Тыва от 13 августа 2010 г. N 348 «Об утверждении республиканской целевой программы "Государственная поддержка научных исследований в области гуманитарных наук Республики Тыва на 2011-2012 годы» (2010). URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/tyva/277047/> (дата доступа 24.09.2010)

Титов, В. Н. (1999) Институциональный и идеологический аспекты функционирования науки // Социологические исследования. № 8. Урянхай. Тыва дептер (2007-2009) / Сост. С.К.Шойгу. Антология. В 7 тт. М. : Слово.